

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.057-065

О. С. Гринь

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Обеспечение нарушенных обязательств: допустимость теоретической конструкции

Резюме. В статье анализируется допустимость обеспечения обязательства после его нарушения. На основе судебной практики высших судебных инстанций показано, что российское правоприменение допускает заключение обеспечительных сделок после неисполнения или ненадлежащего исполнения основного обязательства, квалифицируя такие сделки как способы обеспечения исполнения обязательств. Автор подвергает данный подход критическому осмыслению, исходя из понимания сущности обеспечения как механизма создания дополнительных гарантий имущественного интереса кредитора на случай будущей неисправности должника. Обосновывается, что обеспечительное правоотношение носит стадийный характер и предполагает возникновение до нарушения основного обязательства, тогда как его реализация возможна лишь при наступлении нарушения. Нарушение обязательства при таком понимании выполняет в динамике обеспечительного правоотношения функцию условия права (*conditio iuris*). Отсутствие указанной первой стадии трансформирует конструкцию, именуемую сторонами обеспечением, в иные правовые формы, прежде всего в интерцессионные (присоединение к долгу, кумулятивное принятие долга) либо в соглашение об ответственности. Проводится разграничение обеспечения и принятия чужого долга с учетом последствий для суброгации, акцессорности и банкротных процедур. Делается вывод о необходимости корректировки сложившихся правовых позиций высшей судебной инстанции и уточнения квалификационных критериев.

Ключевые слова: обеспечительные сделки; обеспечение обязательства; способы обеспечения исполнения обязательств; нарушение обязательства; стадийность обеспечительного правоотношения; поручительство; залог; независимая гарантия; интерцессия; перевод долга

Для цитирования: Гринь О. С. Обеспечение нарушенных обязательств: допустимость теоретической конструкции. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 3. С. 57–65. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.057-065

Ensuring Breached Obligations: Admissibility of a Theoretical Design

Oleg S. Grin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the admissibility of securing an obligation after its violation. Drawing on the judicial practice of the higher courts, it demonstrates that Russian law-enforcement practice permits the conclusion of interim transactions after non-performance or improper performance of the principal obligation, treating such transactions as means of ensuring performance. The author criticizes this approach, advancing an understanding of security as a mechanism for creating additional guarantees of the creditor's proprietary interest against a prospective failure of the debtor to perform. It is argued that the security relationship is of a staged nature: its establishment must precede any breach of the principal obligation, although its operation may be triggered only upon such a breach. Under this conception, the breach functions as a condition of law (*conditio iuris*) within the dynamics of the security relationship. The absence of the initial stage transforms the arrangement that the parties characterize as collateral into other legal forms — primarily intercessional constructs (such as accession to the debt or cumulative acceptance of the obligation) or into a liability (guarantee) agreement. The paper

© Гринь О. С., 2026

distinguishes collateral from assumption of another's debt by reference to the consequences for subrogation, accessory obligations and bankruptcy proceedings. It concludes that the existing legal positions of the highest court require adjustment and that the criteria for qualification should be clarified.

Keywords: secured transactions; securing the obligation; ways to ensure the fulfillment of obligations; breach of obligation; the stage of the security relationship; surety; collateral; independent guarantee; intercession; debt transfer

Cite as: Grin OS. Ensuring Breached Obligations: Admissibility of a Theoretical Design. *Lex russica*. 2026;79(3):57-65. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.057-065

Введение

Вопрос о возможности обеспечения нарушенных обязательств, на первый взгляд, частный, однако те проблемы, которые требуется решить для ответа на него, напротив, для современной цивилистической доктрины являются концептуальными. Кроме очевидного практического результата для гражданского оборота, непротиворечивый подход к этой проблеме, несомненно, обогатил бы общее учение об обеспечении обязательств. Актуальность обращения к названному аспекту в современных условиях обусловлена развитием в гражданском законодательстве в рамках его реформы института, известного отечественной науке гражданского права как интерцессия (абз. 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ).

В цивилистической науке вопрос об обозначении юридической конструкции обеспечения специальным термином прошел известную эволюцию: от традиционного для дореволюционной цивилистики «обеспечения обязательств» до появившегося в советское время «обеспечения исполнения обязательств». Б. М. Гонгало справедливо указывает, что последнее обозначение является условным: поручительство и нынешняя независимая гарантия не имеют отношения к исполнению обязательства: предоставление, осуществляемое поручителем и гарантом, выступает суррогатом исполнения¹. Действительно, такое предоставление есть исполнение обеспечительного (а не основного) обязательства², которое порождает специфические правовые последствия в виде суброгации поручителю права кредитора по основному обязательству (ст. 365 ГК РФ) или возникнове-

ния права гаранта требовать от принципала выплаченных в соответствии с условиями независимой гарантии денежных сумм (п. 1 ст. 379 ГК РФ), которое по настоящее время в ряде актов высшей судебной инстанции именуется «регрессным»³, несмотря на изменения указанной нормы ГК РФ в рамках реформы гражданского законодательства.

Вместе с тем следует констатировать, что акцент на термин «исполнение», используемый для обозначения правовых конструкций, содержащихся в гл. 23 ГК РФ, приобрел конкретное практическое содержание в правоприменительной практике. Российское правоприменение отвечает на обозначенный в начале статьи вопрос о возможности обеспечения нарушенного обязательства положительно. Такой подход требует дополнительного осмысления в условиях развития учения об обеспечительных сделках и их соотношении с иными цивилистическими конструкциями.

Основная часть

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ еще в 2009 г. в одном из постановлений счел допустимым заключение обеспечительных сделок после нарушения основного обязательства, указав применительно к поручительству на то, что оно отнесено законом к способам обеспечения исполнения обязательств, т.е. неисполненных обязательств, независимо от срока их возникновения, предоставление поручительства после наступления или истечения срока исполнения основного обязательства, не исполненного должником, не может служить основанием для

¹ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М. : Статут, 2004. С. 9–10.

² См.: Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2018. С. 229–231.

³ См., например: Обзор судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

признания обеспечительной сделки недействительной⁴.

Эта же позиция затем нашла отражение в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, где было указано, что заключение договора поручительства после наступления срока исполнения основного обязательства, не исполненного должником, само по себе не является основанием для признания договора недействительным. При этом Пленум подчеркивал: закон не содержит запрета на установление обеспечения по просроченному обязательству⁵.

Пленум Верховного Суда РФ позднее подтвердил и закрепил возможность заключения договора поручительства после нарушения основного обязательства. В актуальных разъяснениях высшей судебной инстанции содержится лаконичная запись: «Поручительство может быть дано и после наступления просрочки по основному обязательству» и отсылка к ст. 421 ГК РФ о свободе договора⁶.

В указанных условиях нижестоящие суды при рассмотрении отдельных споров руководствуются логикой высшей судебной инстанции и квалифицируют такие договоры именно как обеспечительные сделки⁷.

Квалификация судами таких сделок как обеспечительных происходит на фоне развития в отечественном праве норм о переводе долга. Так, в результате реформы гражданского законодательства в настоящее время ГК РФ регламентирует конструкцию интерцессии — вступления в чужой долг. Статьей 391 Кодекса в отношении обязательств, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской

деятельности, допускается совершение перевода долга по соглашению между кредитором и новым должником. При таком переводе долга либо первоначальный должник выбывает из обязательства (привативный перевод долга), либо первоначальный и новый должники отвечают перед кредитором солидарно (кумулятивный перевод долга). Верховный Суд РФ при этом установил презумпции: если неясно, о каком переводе долга идет речь, то предполагается, что о привативном. Если непонятно, следуют ли из соглашения кредитора и нового должника кумулятивный перевод долга или поручительство, приоритет у последнего⁸. При этом по общему правилу исполнение новым должником при кумулятивном переводе долга порождает (как и в случае поручительства) суброгацию (абз. 2 п. 3 ст. 391 ГК РФ), а при привативном переводе таких последствий нет⁹.

При такой трактовке, особенно в свете общего правила о единых суброгационных последствиях, важно разграничить сферы квалификаций: в каких ситуациях речь идет о допускаемых высшей судебной инстанцией обеспечительных сделках после нарушения обязательства, а в каких — о соглашении о переводе долга?

На наш взгляд, основная линия такого разграничения должна проводиться исходя из двух основных тезисов: о сути обеспечения и специфике обеспечительного правоотношения.

В отношении первого аспекта важно ответить на вопрос: что в сфере обязательственных правоотношений посредством конструкций, предусмотренных главой 23 ГК РФ, обеспечивается? Несмотря на уже привычную формулировку — далеко не исполнение основного

⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.07.2009 № 7261/09 по делу № А82-3237/2008-43 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» (указанное разъяснение утратило силу в связи с изданием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ П. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: постановления Шестого арбитражного апелляционного суда от 06.11.2025 № 06АП-3580/2025 по делу № А04-1940/2025 ; Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2023 № 09АП-26890/2023 по делу № А40-251418/2022 ; Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2025 № 13АП-3055/2025 по делу № А56-84726/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ П. 26–27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ П. 19 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

обязательства. Это очевидно при первом же анализе особенностей отдельных обеспечительных сделок: личные обеспечительные конструкции — поручительство и независимая гарантия — никакого отношения к исполнению основного обязательства не имеют. Данное обстоятельство, как мы указали выше, было отмечено еще в работе Б. М. Гонгало. Если рассматривать систему обеспечительных конструкций дальше, то становится ясно: собственно к исполнению основного обязательства имеют отношение лишь те средства, которые выполняют стимулирующую функцию. При этом гарантийная функция обеспечений, выступающая, с нашей точки зрения, в качестве ключевой, во все не связана с исполнением основного обязательства. Эта функция — суть механизма дополнительных гарантий имущественных интересов кредитора. Именно эти интересы и есть объект обеспечения.

Перераспределение риска является важным свойством обеспечения. Кредитор получает гарантию не того, что должник исполнит обязательство, а того, что его имущественный интерес будет удовлетворен даже при неисполнении. Различие принципиально: в первом случае речь шла бы о контроле над поведением должника, во втором — о создании автономного механизма защиты имущественной сферы кредитора. Поэтому объектом обеспечения выступает не исполнение основного обязательства, а имущественные интересы кредитора¹⁰.

Применительно ко второму аспекту в цивилистической литературе традиционно, еще с работы Д. И. Мейера, при характеристике обеспечительных сделок используется формула, что такие сделки заключаются на случай неисполнения должника¹¹. Это положение обуславливает важнейшую сущностную и структурную особенность, которая, на наш взгляд, присуща обеспечительным правоотношениям: они предполагают стадийность динамики в зависимости от наступления факта неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Выделяются две стадии: до нарушения основного обязательства и после такого нарушения. Права и обязанности сторон обеспечительного

правоотношения возникают с момента заключения ими соответствующего соглашения (или наступления оснований, предусмотренных законом). До наступления юридического факта неисполнения или ненадлежащего исполнения основного обязательства (выполняющего функцию условия права — *conditio iuris*) обязательственное право кредитора существует, но пребывает в условном состоянии: его невозможно осуществить, но допустимы его защита, переход, обременение, обеспечение, а также включение в состав имущества. На второй стадии обеспечительного правоотношения — после и в случае наступления факта неисполнения основного должника — право требования кредитора к обеспечительному должнику приобретает свойство осуществимости (п. 1 ст. 307 ГК РФ)¹². Несложно заключить, что при таком подходе именно первая стадия обеспечительного правоотношения (до нарушения основного обязательства) является ключевой, а вторая — факультативной, поскольку неисправность должника может не наступить.

Отсюда следует важный квалификационный вывод. Обеспечение не может быть сведено к любому договору, усиливающему позицию кредитора. Критерием является именно наличие предварительного гарантийного механизма, созданного до нарушения. Если такой механизм возникает лишь после просрочки, то стороны фактически создают новую обязанность третьего лица по уже существующему долгу либо вводят дополнительный источник удовлетворения требования, но не формируют обеспечительное правоотношение в классическом понимании. Тем самым стадийность выступает не факультативной характеристикой, а системообразующим признаком обеспечения как самостоятельной гражданско-правовой конструкции.

В цивилистической литературе распространена критическая оценка возможности заключения соглашений об обеспечении после нарушения основного обязательства. Так, Н. Ю. Рассказова отметила, что обеспечительное обязательство должно возникнуть до нарушения основного, а достигнутое после этого момента соглашение лишь определяет способ

¹⁰ См. подробнее: *Гринь О. С.* Основные подходы к пониманию способов обеспечения исполнения обязательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 10. С. 44–51.

¹¹ *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003. С. 523–525.

¹² См. подробнее: *Гринь О. С.* Стадии развития правоотношений, возникающих из обеспечительных сделок // Судья. 2014. № 5.

погашения долга¹³. Р. С. Бевзенко, комментируя положения, содержащиеся в вышеупомянутом постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, обратил внимание на то, что указанное в нем не исключает возможность суда квалифицировать такой договор не как поручительство, а как именно вступление в чужой долг (или перевод долга)¹⁴. А. М. Эрделевский, критикуя подход, сформированный в практике Высшего Арбитражного Суда РФ, подчеркнул, что в момент заключения договора поручительства неисполнение обязательства должно быть лишь возможным, но не уже наступившим случаем¹⁵.

Сформированная судами трактовка порождает ряд прикладных вопросов. Так, неясен момент, с которого кредитор приобретает возможность предъявлять требования к обеспечительному должнику: очевидно, речь идет о том, что такое право может быть реализовано сразу после заключения договора. Другой аспект применительно к поручительству — до какого срока, истекшего после нарушения срока исполнения основного обязательства, могут заключаться договоры поручительства? На это обратила внимание Л. Г. Ефимова, которая отметила, что договор поручительства не может быть заключен позднее истечения года с момента нарушения основного обязательства¹⁶.

Несмотря на то что основная дискуссия по данной проблематике возникла в отношении личных обеспечительных конструкций, это равным образом относится к возможности совершения вещных обеспечительных сделок после наступления факта нарушения обязательства.

Важнейший теоретический недостаток подхода, выраженного в судебной практике, проявляется в том, что он не позволяет различать сделки по принятию на себя чужого долга и обеспечительные сделки. В целом понятие обеспечения здесь смешивается с категорией исполнения и утрачивает самостоятельное значение, основываясь на конструкции созда-

ния предварительного имущественного резерва, реализующегося через защитную функцию.

Именно наличие первой стадии обеспечения правоотношения отличает обеспечение от соглашений о погашении долга, заключаемых после факта неисправности должника. Если первая стадия отсутствует (потому что договор заключен после нарушения), то функция обеспечения исчезает — остается только присоединение дополнительных обязанностей к уже возникшему долгу.

Отсюда следует базовый тезис: обеспечительное правоотношение по своей природе должно возникать до нарушения основного обязательства. Если же оно уже произошло, то стороны, безусловно, вправе заключать договоры, которые укрепляют позицию кредитора, но корректнее квалифицировать их как интерцессионные — формы вступления в чужой долг, присоединения к долгу, солидаризации задолженности. Именно этот инструментарий больше соответствует ситуации после нарушения, чем обеспечение. После нарушения вопрос стоит не о создании гарантий для кредитора на случай возможной будущей неисправности должника, а о привлечении новых субъектов к исполнению уже возникшей задолженности (в случае личного обеспечения) или поиске новых объектов, способных служить источником удовлетворения интересов кредитора (при вещном обеспечении).

Судебная практика, признавая допустимость обеспечения после нарушения, фактически стирает границу между обеспечением и интерцессией. Это выглядит как развитие принципа свободы договора: стороны вправе предоставить дополнительные гарантии кредитору и после просрочки, на что и указал Верховный Суд РФ в актуальном разъяснении этого вопроса.

Вместе с тем этот подход имеет обратную сторону. Помимо того, что обеспечение становится функциональным аналогом принятия долга, нарушается баланс его акцессорности,

¹³ Рассказова Н. Ю. Вопросы общей теории обеспечительных обязательств // Правоведение. 2004. № 4 (255). С. 48.

¹⁴ Бевзенко Р. С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам поручительства и банковской гарантии : комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и от 23 марта 2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий». М. : Статут, 2013.

¹⁵ Эрделевский А. М. О судебном подходе к договору поручительства // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

¹⁶ Ефимова Л. Г. Спорные вопросы применения законодательства о поручительстве // Хозяйство и право. 2011. № 12. С. 66.

поскольку это свойство начинает работать в условиях, для которых оно не предназначено (когда обеспечительный случай уже наступил). В частности, это распространяется на применение правил о влиянии утраты существовавшего на момент возникновения поручительства обеспечения основного обязательства или ухудшения условий его обеспечения по обстоятельствам, зависящим от кредитора (п. 4 ст. 363 ГК РФ), и изменения обеспеченного поручительством обязательства без согласия поручителя (п. 2 ст. 367 ГК РФ).

В зарубежных правовых порядках вопрос о квалификации интерцессии и обеспечительных сделок не имеет однозначного решения, но при этом данные конструкции рассматриваются автономно. Этим, в частности, обусловлено то, что в известных Модельных правилах европейского частного права (Draft Common Frame of Reference, DCFR) отдельно от поручительства (*dependent personal security*) упоминается специальная конструкция — совместный долг в обеспечительных целях (*co-debtorship for security purposes*) (ст. IV.G.-1:104 DCFR)¹⁷. При этом разработчики соответствующего раздела DCFR по личным обеспечениям указывают, что в различных европейских правовых порядках разнятся квалификации кумулятивного принятия уже существующего долга, но большинство этих разнообразных форм порождают единое последствие в виде солидарной обязанности между новым и основным должниками. При этом в практике государств выделяются три подхода:

а) кумулятивное принятие долга другого лица по сути тождественно солидарной обязанности, за исключением того, что оно возникает после создания первоначального долга (последующий кумулятивный совместный долг);

б) используются иначе именуемые правовые конструкции, которые, однако, приводят к тому же практическому результату — возникновению последующего кумулятивного совместного долга;

с) государства, в которых кумулятивное принятие долга другого лица не только регулируется институтами, отличными от совместного долга, но и влечет иные практические последствия¹⁸.

Таким образом, даже при признании допустимости кумулятивного принятия долга в обеспечительных целях европейская модель избегает смешения соответствующих конструкций. Это подтверждает тезис о необходимости разграничения обеспечения и интерцессии на функциональном уровне. Если третье лицо присоединяется к уже существующему долгу после нарушения, корректнее говорить о разновидности совместной обязанности, а не о возникновении обеспечительного правоотношения в классическом понимании.

Опыт DCFR демонстрирует, что сохранение автономии указанных институтов позволяет избежать квалификационной неопределенности. Именно такая логика разграничения представляется более последовательной и теоретически обоснованной по сравнению с подходом, допускающим отнесение любых соглашений, усиливающих позицию кредитора, к обеспечительным сделкам, независимо от момента их заключения.

Особенно остро проблема разграничения интерцессии и обеспечения стоит в делах о банкротстве. В условиях конкурсного производства значение имеют не только действительность сделки и свобода усмотрения сторон, но и ее влияние на баланс интересов кредиторов, а также на распределение конкурсной массы.

При классическом обеспечении риск распределяется заранее: кредитор еще до неисправности должника получает дополнительный источник на случай его будущей возможной неплатежеспособности (залоговый приоритет, возможность предъявить требование к поручителю и т.п.).

Иная ситуация складывается, когда соглашение заключается после наступления просрочки, а тем более в преддверии банкротства или в период ухудшения финансового состояния должника. Присоединение к долгу после нарушения может создать эффект перераспределения конкурсной массы и фактически выступать способом влияния на очередность удовлетворения требований, включения нового обязанного лица в состав должников, с тем чтобы в последующем посредством суброгации перераспределить риски на иных кредиторов.

¹⁷ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference. Outline Edition / prepared by the Study Group on a European Civil Code ; ed. by Ch. von Bar, E. Clive, H. Shulte-Nölke. Munich : Sellier, 2009. P. 368.

¹⁸ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Personal Security / prepared by prof. U. Drobnig. Oxford University Press, 2007. P. 153–158.

Поэтому квалификация возникновения обеспечения на стадии нарушения обязательства имеет здесь прямые системные последствия. В данном случае нельзя ограничиваться общим положением о том, что закон не предусматривает соответствующего запрета. В банкротстве имеет значение не только допустимость заключения такого договора, но и его влияние с точки зрения правил о равенстве кредиторов, подзрительных сделках, сделках с предпочтением и т.п.

Таким образом, банкротный контекст выявляет принципиальное различие между классическим обеспечением и соглашениями, заключаемыми после нарушения обязательства.

Выше отмечалось, что смысл обеспечения в перераспределении будущего риска неисправности должника. В этом контексте функционально обеспечение сходно с конструкцией страхования. Если будет установлено, что заключение договора страхования произошло после наступления страхового случая, страховщик вправе оспорить такой договор как сделку, совершенную под влиянием обмана (п. 3 ст. 944 ГК РФ).

Здесь же необходимо сказать о независимой гарантии. Действительно, независимая гарантия по своей природе неакцессорна, и суды подчеркивают принцип независимости как запрет гаранту вдаваться в сущность спора принципала и бенефициара. Вместе с тем здесь стадийность не исчезает: независимая гарантия создает абстрактный механизм выплаты, который должен существовать до момента предъявления требования по гарантии, т.е. до наступления обстоятельства, при котором должна быть выплачена сумма гарантии. Сами по себе реквизиты независимой гарантии предполагают наступление такого обстоятельства исключительно в будущем (п. 4 ст. 368 ГК РФ).

Допущение заключения обеспечительных сделок после неисправности должника нарушает требования системности: обеспечение перестает быть превентивным механизмом и становится разновидностью последующего принуждения. Именно в этом контексте в доктрине проводится различие между способами обеспечения и мерами ответственности. Обеспечение традиционно квалифицируется как направленное на создание гарантий имущественного интереса кредитора и стимулирование должника к надлежащему исполнению, тогда как

ответственность — это реакция на нарушение, связанная с возложением дополнительных неблагоприятных последствий. Поэтому если нарушение уже произошло, то действия сторон направлены либо на исполнение уже возникшего долга, либо на его реструктуризацию, либо на распределение ответственности за уже наступившее нарушение. Ничто из этого не отвечает сущностным признакам обеспечения.

Указанный подход не означает, что сделки, направленные на привлечение новых лиц к исполнению обязательства или новых объектов как источников удовлетворения имущественных интересов кредиторов, совершаемые сторонами после нарушения основного обязательства (пусть и поименованные как обеспечительные), должны признаваться недействительными. Такие сделки должны квалифицироваться в рамках института принятия чужого долга либо в отношении новых объектов — в зависимости от конкретной ситуации — как соглашения об отступном.

Заключение

Предлагаемое в рамках настоящей работы решение состоит из следующих взаимосвязанных элементов.

Обеспечение следует определять через категорию создания дополнительных гарантий для удовлетворения имущественного интереса кредитора на случай будущей неисправности должника. Обеспечительное правоотношение возникает до нарушения основного обязательства, но реализуется только после и при условии такого нарушения, допущенного должником.

Соглашения, заключаемые после нарушения основного обязательства и направленные на привлечение третьего лица к уже существующему долгу, следует квалифицировать как интерцессионные (присоединение к долгу, кумулятивное принятие долга) с применением соответствующего режима. Такой подход не запрещает сторонам усиливать позицию кредитора после нарушения, но позволяет создать условия для корректной квалификации различных по юридической природе явлений.

Подход судебной практики, согласно которому обеспечительные сделки могут заключаться после нарушения обязательств, нуждается в корректировке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бевзенко Р. С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам поручительства и банковской гарантии : комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и от 23 марта 2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий». М. : Статут, 2013.

Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М. : Статут, 2004. 222 с.

Ефимова Л. Г. Спорные вопросы применения законодательства о поручительстве // Хозяйство и право. 2011. № 12.

Мейер Д. И. Русское гражданское право. Изд. 3-е, испр. М. : Статут, 2003. 831 с.

Рассказова Н. Ю. Вопросы общей теории обеспечительных обязательств // Правоведение. 2004. № 4 (255).

Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2018. 416 с.

Эрделевский А. М. О судебном подходе к договору поручительства // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Personal Security / prepared by prof. U. Drobniг. Oxford University Press, 2007. 567 p.

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference. Outline Edition / prepared by the Study Group on a European Civil Code ; ed. by Ch. von Bar, E. Clive, H. Shulte-Nölke. Munich : Sellier, 2009. 648 p.

REFERENCES

Bevzenko RS. Legal Positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on Issues of Surety and Bank Guarantee: Commentary to the Plenum Decisions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 12, 2012 No. 42 «On Certain Issues of Dispute Resolution Related to Surety» and March 23, 2012 No. 14 «On Certain Issues of Dispute Resolution Practice Related to Challenging Bank Guarantees». Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).

Bogdanov EE., ed. Reform of the Law of Obligations of Russia: Problems and Prospects. Moscow: Prospekt Publ.; 2018. (In Russ.).

Efimova LG. Controversial Issues of Application of Legislation on Surety. *Economy and Law*. 2011;12. (In Russ.).

Erdelevsky AM. On the Judicial Approach to the Surety Agreement. LRS «ConsultantPlus». 2013. (In Russ.).

Gongalo BM. Doctrine of Securing Obligations. Moscow: Statut Publ.; 2004. (In Russ.).

Meyer DI. Russian Civil Law. Based on the 8th ed. (1902). 3rd revised ed. Moscow: Statut Publ.; 2003. (In Russ.).

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference. Outline Edition. Prepared by the Study Group on a European Civil Code; ed. by Ch. von Bar. E. Clive, H. Shulte-Nölke. Munich: Sellier, 2009.

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Personal Security / prepared by prof. U. Drobniг. Oxford University Press; 2007.

Rasskazova NYu. Questions of the General Theory of Security Obligations. *Pravovedenie*. 2004;4(255). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гринь Олег Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
osgrin@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg S. Grin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law; Director of the Center for Monitoring Legislation and Law Enforcement, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
osgrin@msal.ru

Материал поступил в редакцию 15 января 2025 г.

Статья получена после рецензирования 10 февраля 2026 г.

Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 15.01.2025.

Revised 10.02.2026.

Accepted 15.02.2026.